

*Самая лёгкая лодка
в мире*

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I МОРСКОЙ ВОЛК

С детства я мечтал иметь тельняшку и зуб золотой. Хотелось идти по улице, открывать иногда рот, чтоб зуб блестел, чтоб прохожие видели, что на мне тельняшка, и думали: «Это морской волк».

В соседнем дворе жил ударник Витя Котелок. Он не был ударником труда. Он был ударник-барабанщик. Он играл на барабане в кинотеатре «Ударник». Все верхние зубы были у него золотые, а нижние — железные.

Витя умел «кинуть брэк».

Перед началом кино оркестр играл недолго, минут двадцать, и наши ребята мучительно ожидали, когда же Витя «кинет».

Но Витя нарочно долго «не кидал».

Наконец в какой-то момент, угадав своим барабанным сердцем особую паузу, он говорил громко:

— Кидаю!

Оркестр замирал, и в полной тишине начинал Витя тихохонько постукивать палочкой по металлическому ободу барабана и вдруг взрывался, взмахнувши локтями. Дробь и россыпь, рокоты и раскаты сотрясали кинотеатр.

Витя Котелок подарил мне шикарный медный зуб и отрезал от своей тельняшки треугольный кусок, который я пришил к майке так, чтоб он светил через вырез воротника.

Я расстёгивал воротник и надевал зуб, как только выходил на улицу.

Зуб был великоват. Я придерживал его языком и больше помалкивал, но с блеском улыбался.

По вечерам ребята выносили во двор аккордеон и пели:

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана...

Сумерки опускались на Москву и приносили с собой запах моря. Мне казалось, что в соседних переулках шумит прибой, и в бронзовых красках заката я видел вечное движение волн.

Распахнув пошире воротник, я бродил по Дровяному переулку, сиял зубом в подворотнях. Порывы ветра касались моего лица, я чувствовал запах водорослей и соли.

Море было всюду, но главное — оно было в небе, и ни дома́, ни деревья не могли закрыть его простора и глубины.

В тот день, когда я пришел к майке треугольный кусок тельняшки, я раз и навсегда почувствовал себя морским волком.

Но, пожалуй, я был волком, который засиделся на берегу. Как волк, я должен был бороздить океаны, а вместо этого плавал по городу на трамвае, нырял в метро.

Мало приходилось мне мореходствовать. Как-то две недели проболтался в Финском заливе на посудине, которая называется «сетеподъёмник», обошёл Ладожское озеро на барже под названием «Луза».

Шли годы, и всё меньше моря оставалось для меня в небе. Никаких водорослей, никакой соли не находил я ни в Дровяном переулке, ни в Зонточном.

— Выход к морю, — бормотал я про себя, гуляя по Яузе, — мне нужен выход к морю. Мне просто-напро-

сто негде держать корабль. Вот Яуза — родная река, но попробуй тут держать корабль — невозможно. Мёртвый гранит, отравленные воды.

Каждый год собирался я в далёкое плавание, но не мог найти подходящее судно. Покупать яхту было дорого, строить плот — громоздко.

— Купи резиновую лодку, — советовал старый друг художник Орлов.

— Мне нужно судно, а не надувное корыто. К тому же хочется придумать что-то своё, необычное.

— Сделай корабль из пустых бутылок. В каждую бутылку сунь по записке на случай крушения — и плыви!

Целый вечер сидели мы у Орлова в мастерской, что находится как раз у Яузских ворот, и придумывали корабли и лодки из разных материалов — птичьих перьев, разбитых гитар и даже членских билетов спортивного общества «Белая лебедь».

— В Москве невозможно держать корабль, — сказал наконец Орлов. — Какой тут корабль? Стены, машины, троллейбусы. Тебе нужен выход к морю.

— Конечно! — крикнул я. — Выход к морю! Я задыхаюсь без выхода к морю и нигде не могу его найти. А Яуза — это не выход.

— Яуза — прекрасный выход. Построил бы корабль и поплыл прямо из мастерской. Но держать здесь корабль невозможно. Строй лодку — корабля тебе в жизни не видать.

И вдруг мне пришла в голову некоторая мысль.

Я вздрогнул, сжал зубы, но мысль всё-таки легко выскочила наружу.

— Я построю лодку, но только самую лёгкую в мире.

— Самую лёгкую? В мире? А сколько она будет весить?

— Не знаю... Хочется поднимать её одной левой.
— Без бамбука тут не обойтись, — сказал Орлов, задумчиво пошевеливая бородой и усами. — Бамбук — самый лёгкий материал.

— Куплю десятка два удочек.

— Удочки — это прутики. А нужны брёвна.

Тот год в Москве была особенно морозная и снежная зима. Каждый вечер разыгрывалась в переулках метель, и казалось странным думать в такое время о бамбуке. Но я думал, расспрашивал знакомых. Мне советовали закупить удочек, ехать в Сухуми, писать письмо в Японию. Некоторый наш знакомый, Петюшка Собаковский, подарил коготь бамбукового медведя.

Постепенно разошёлся по свету слух, что есть в Москве человек, ищущий бамбук. Неизвестные лица, большей частью с Птичьего рынка, звонили мне:

— Вам нужен бамбук? Приезжайте.

Я ездил по адресам — чаще в сторону Таганки, но всюду находил удочки или лыжные палки. Кресла, этажерки, веера.

Вместе со мной болел «бамбуковой болезнью» художник Орлов, который был вообще легковоспламеняем.

Коренастый и плотный, он никак не соответствовал своей гордой фамилии. Во всяком случае, ничто не напоминало в нём орла — ни нос, ни бледный глаз, разве только усы растопыривали порой свои крылья и сидели тогда на бороде, как орёл на горной вершине.

— На Сретенке живёт милиционер Шура, — сообщил мне Орлов, — говорят, он видел бамбук.

— Какой милиционер?

— Не знаю, какой-то милиционер Шура, художник.

— Что за Шура? Художник или милиционер?

— Сам не пойму, — сказал Орлов, — Петюшка Собаковский сказал, что на Сретенке стоит на посту милиционер Шура. Он же и художник. И вот этот Шура в каком-то подвале видел вроде бы то, что нужно.

Несколько дней через нашего знакомого Петюшку мы договаривались с Шурой. Наконец Петюшка сообщил, что милиционер-Шура-художник будет ждать нас в половине двенадцатого ночи на углу Сухаревского переулка.

Глава II

БАМБУК ИЛИ ГРАММОФОН?

К ночи разыгралась метель.

Поднявши воротники и поглубже нахлобучив шапки, мы с Орловым шли по Сретенке. На улице было снежно и пусто — мороз разогнал прохожих по домам. Иногда проезжали троллейбусы, совершенно замороженные изнутри. На углу Сухаревского переулка стоял милиционер в служебных валенках.

— Не знаю, как с ним разговаривать, — шепнул я Орлову, — как с милиционером или как с художником?

Валенки шагнули к нам.

— Ищущие бамбук следуют за мной, — сказал милиционер в сретенское пространство, оборотился спиной и направил свои валенки в переулочек. Он шагнул быстро, рассекая метель, взрывая сугробы. Спотыкаясь и поскальзываясь, мы поспешили за ним.

«Ищущие бамбук следуют за мной», — повторял я про себя. В первой половине этой фразы чувствовался художник, а уж во второй — милиционер.

Скоро он свернул в низкорослую подворотню, открыл ключом дверь под лестницей, и мы оказались в какой-то фанерной каморке. На столе стояла элект-

рическая плитка и неожиданный старинный граммофон. На стене висела картонка, на которой был нарисован тот же самый граммофон. Признаков близкого бамбука видно не было.

Толкаясь коленями, мы сели на тахту, а милиционер Шура, не снимая шапки, включил плитку, поставил на неё чайник.

— Это моя творческая мастерская, — строго сказал он.

— Мало метров, — живо откликнулся Орлов, и они завели длинный разговор о мастерских и долго не могли слезть с этой темы. Кубатура, подвальность, заниженность...

Потом милиционер-художник стал показывать свои этюды, а мы пили чай. Стакан за стаканом, этюд за этюдом. Время шло, бамбуком и не пахло.

Меж тем милиционер всё больше превращался в художника. Он уже снял шапку и размахивал руками, как это делали, наверно, импрессионисты. Орлов похваливал этюды, а я маялся: вопрос «где бамбук?» крутился у меня в голове.

— Ты что молчишь? — сердито шепнул Орлов. — Хочешь бамбук — хвали этюды.

— Отличные этюды, — сказал я, — сочные — вот что ценно. А где же бамбук?

— А зачем вам бамбук? — спросил милиционер-художник, слегка превращаясь в милиционера. — Для каких целей вам нужен бамбук?

Вопрос был задан столь серьёзно, будто в желании иметь бамбук заключалось что-то преступное. Шура как бы прикидывал, не собираемся ли мы при помощи бамбука нарушить общественный порядок.

Орлов объяснил, в чём дело, и не забыл похвалить этюды, напирая на их сочность. Милиционер-Шура-художник-любитель немного смягчился.

— Да бросьте вы, ребята, этот бамбук, — неожиданно сказал он, — хотите, я вам граммофон отдам?

— Граммофон? Но мы в связи с бамбуком...

— Берите граммофон. Пружину вставьте — будет играть. А бамбук — ладно. Потом как-нибудь и бамбук достанем.

Я растерянно поглядел на Орлова и увидел в глазах его жалобный и дружеский блеск. Ему явно хотелось иметь граммофон. Я перевёл взгляд на милиционера и понял, что надо выбирать: или бамбук, или граммофон.

— Хороший граммофон, — пояснил Шура, превращаясь в художника. — Мне его одна бабка перед смертью подарила. Смотрите, какая труба!

— Давай и граммофон, и бамбук, — не выдержал Орлов. Усы его распустили крылья, принакрыли гору бороды.

— Не много ли? — сказал Шура, и взгляд его двинулся в милицейскую сторону.

— Погодите! — сказал я. — Какой ещё граммофон! Вы же обещали нам бамбук показать.

— Да на улицу выходить неохота, — признался милиционер-художник. — Надоела эта метель, совсем замёрз на посту. А там ещё в подвал лезть. Лучше бы посидели, о живописи поговорили... Ну ладно, раз обещал, покажу. А граммофон сам починять буду.

Глава III ПРОВАЛ

За полночь метель разыгралась всерьёз. Снежные плети хлестали по лицу, фонари в Сухаревском переулке скрипели и стучали, болтаясь под железными колпаками.

Я замёрз, но веселился про себя, мне казалось смешно — ночью, в метель, идти по Москве за бамбуком. Орлов отставал. Его тормозил оставшийся граммофон.

— Я не уверен, что это бамбук, — говорил милиционер-художник. — Торчит из подвала что-то, какие-то деревянные трубы.

— Вот видишь, — сердито шептал Орлов. — Надо было брать граммофон.

Проходными заснеженными дворами подошли мы к трёхэтажному дому. Окна его были темны, а стёкла выбиты, и метель свободно залетала внутрь, кружилась там и выла, свивала снежные гнёзда.

— Дом скоро снесут, — сказал Шура. — Жильцов давно выселили. Граммофон отсюда, с третьего этажа, а подвал вон там.

Сбоку к дому был пристроен коричневый сарай. Мы открыли дверь, заваленную снегом. Включив фонарь, Орлов шагнул вперёд и остановился.

— Это не подвал, а провал, — ворчливо сказал он.

Пол сарая действительно провалился, а под полом оказалась глубокая яма, которую заполняла гора всевозможной рухляди. Из этой горы и торчало то, что привело нас сюда, — трубы, покрытые столетней пылью.

— Нужен крюк, — сказал Орлов. — Или загогулина. Дотянемся до трубы и вытащим её наружу.

— Какой крюк? — нетерпеливо спросил я. — Где он? Держи меня за хлястик, а Шура пусть фонариком светит.

Орлов крепко ухватил меня за хлястик, я наклонился над провалом, протянул вперёд руку. До трубы было довольно далеко, но рука моя всё вытягивалась и вытягивалась, и я даже подивился таким свойствам человеческой руки. Когда до трубы оставалось сан-

тиметра два, хлястик неминуемо лопнул и я полетел в тартарары.

Ударившись коленями о грудку щепня, я повалился на бок. Какие-то кроватные спинки, углы корыт, гнилые батареи центрального отопления окружали меня.

— Я говорил: надо загогулину, — сказал Орлов, ослепляя меня фонариком. — Посмотри, что это за круглая штука валяется.

Я поднял овальную жестянку, протёр её. Из-под слоя пыли выглянули тиснёные буквы.

— Кинь её сюда, — сказал Орлов.

Под светом фонаря я забрался на грудку щепня и дотронулся наконец до пыльной трубы. Определить на ощупь, бамбук это или нет, я не сумел, но труба оказалась лёгкая и неожиданно длинная. Я направил конец её в пролом, и Орлов с милиционером вытящили трубу наружу.

Я остался в темноте и слышал только, как скрипит снег, свистит метель в пустом доме и как милиционер-художник подаёт какие-то совершенно небамбуковые команды: «заноси левее», «ложи её под фонарь» и т. д.

Наконец свет фонарика снова ослепил меня, и я услышал голос:

— Ну, брат, граммофона нам не видать. Это бамбук!

И до сих пор я не могу поверить, что в ту метельную зиму нам удалось найти в Москве бамбук. Но вот глубокой ночью я стоял на дне пропылённого подвала и подавал одно за другим наверх настоящие бамбуковые брёвна. Я даже представить себе не мог, что бамбук бывает такой толстый, с удивлением ощупывал узловатые стволы и думал, что Москва действительно город чудес.

Орлов вытяскивал брёвна на улицу, а милиционер-художник светил фонариком. Надо сказать, что в эти

минуты он как-то ступешевался и не смог сразу сообразить, как ему поступать в данной ситуации — как милиционеру или как художнику, поэтому и выступил в роли осветителя.

Когда мы вытащили пять брёвен, милиционер-художник несколько раз помигал фонариком и неожиданно сказал:

— Хватит.

— Почему? Мало на лодку.

— На самую лёгкую в мире хватит.

В подвале лежало не меньше двадцати брёвен, и мы с Орловым, не стовариваясь, собрались утащить всё. Но милиционер Шура принял решение и мигал беспрестанно фонариком, подчёркивая свою твёрдость.

Под миганье мы уговорили Шуру дать нам ещё одну, шестое бревно, по которому я и вылез наверх.

При свете уличного фонаря я рассмотрел наконец бамбук. Орлов воткнул брёвна в сугроб. Толщиной с водосточную трубу, оранжевые и коричневые, блестяли они, будто покрытые лаком.

— Увязывайте и пакуйте, — сказал Шура-милиционер, — а в субботу приходите граммофон слушать.

Толкаясь локтями, мы жали Шуру руку, обещали принести пластинки к его граммофону. Орлов даже обнял милиционера и сказал:

— Становись-ка ты, Шура, художником.

Мне захотелось поспорить с Орловым. Я обнял Шуру с другой стороны:

— Не слушай его, будь милиционером.

— Я и сам не знаю, как тут быть, — признавался милиционер-художник, притопывая валенками. — Душа разрывается. И то и другое — дело нужное.

— Надо избрать что-то одно, — сказал Орлов. — И дуть в эту дудку. А то душа разорвется.

— У меня душа крепкая, — объяснял Шура, — её так просто не разорвать.

— Дуй в две дудки, — уговаривал его я. — Это душу укрепляет.

Так обнимались мы под метелью, и, когда обнялись окончательно и Шура скрылся за углом, Орлов вытащил из-за пазухи овальную жестянку.

Красная краска на ней местами облупилась, прожавела, но хорошо видна была парусная лодка и надпись белым по красному:

ЧАЙ

Т-во Чайная торговля

В. ВЫСОЦКИЙ и К°

Москва

Глава IV

НОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Перед нами была старинная вывеска. Но как попала она в подвал? И как попал сюда бамбук?

— Ты знаешь, чего я думаю? — сказал Орлов. — Я думаю, что в этих брёвнах раньше перевозили чай. Насыпали внутрь сухого чая и перевозили вот на таких лодках, которые называли «чайный клипер».

Более нелепого предположения предположить было невозможно. Художник Орлов пытался одним махом объединить чай, бамбук и лодку на вывеске прямой линией. Он пошёл кратчайшим путём к истине и промахнулся.

Орлов просто-напросто устал. Его оглушила потеря граммофона. Ведь он мог запросто уносить сейчас под мышкой граммофон, а вместо этого возился с моим бамбуком.

Была уже глубокая ночь. Снег валил со всех сторон.

Мы замёрзли и долго связывали бамбук верёвкой, связали, взвалили на плечи. Связка получилась гро-

моздкой, руки соскальзывали с гладких лакированных брёвен.

Переулками мы вышли на Сретенку. Снежные волны выкатывались вслед за нами из тёмных подворотен, схлёстывались под фонарями и улетали кверху — громыхать на крышах, выть на чердаках.

— Воеет, как граммофон, — недовольно ворчал Орлов, который шёл впереди.

— Право руля! — кричал ему я.

Метель то подталкивала нас в спину, то налетала сбоку и разворачивала поперёк улицы. Мы неловко маневрировали, напоминая баржу. Это было первое плавание самой лёгкой лодки в мире.

— Левая, загребай! Правая, табань! — покрикивал я и вдруг услышал сзади:

— Стоп машина!

В первую минуту я подумал, что это нас догнал зачем-то милиционер-художник. Но ошибся. Нас догонял не художник, но — милиционер.

— Суши вёсла! — крикнул я, и мы повалили связку на снег.

Милиционер-нехудожник оглядывал и нас, и бамбук с крайним подозрением. Из-под его погон сыпалась снежная труха. В свете уличного фонаря кокарда на его шапке, до блеска начищенная метелью, сверкала как утренняя звезда. Милиционер молчал.

Орлов постучал ботинком по бамбуку, потопал ногами, попрыгал.

— Метель-то какая, а? — сказал он милиционеру.

Милиционер не захотел вступать в пустой разговор. Не выпуская нас из поля зрения, обошёл он бамбуковую связку, посветил фонариком в чёрные жерла брёвен.

— Попрошу документы.

— Документов нет.

- Попрошу накладные на стройматериалы.
- Ничего такого у нас нет.
- А где вы это... гм... взяли?
- Это бамбук, — чистосердечно ответил Орлов. —

Нам его милиционер-художник подарил.

На мой взгляд, ничего глупее этой фразы придумать было невозможно. Фраза озадачила милиционера, несколько секунд переваривал он её и сказал неожиданно:

- Это Шурка, что ли?
- Шура. Который на Сретенке стоит.
- Да откуда же у Шурки бамбук? Где ваши накладные?
- Накладные остались у Александра, — вставил я. — Необходимы дополнительные печати.
- Какие ещё печати? Откуда бамбук?
- Он лежал в Сухаревском переулке, — принялся объяснять Орлов. — У милиционера-художника в подвале. Мы там и вывеску нашли.

Он достал из-за пазухи вывеску «Высоцкий и К°», которая делу особо не помогла.

- Пройдёмте до отделения, — сказал милиционер.
- Да что вы! Пойдёмте лучше ко мне в мастерскую, — приглашал Орлов. — Заварим чаю, разберёмся.
- Уж если разбираться, так в отделении.
- У нас чай со слоном. А можем чаю-медведя сделать. Согреетесь.
- Уж поверьте нам, — уговаривал я. — Не крали мы этот бамбук. Пойдёмте, посмотрите, где мы живём, и, если надо, арестуете.

Некоторое время уламывали мы милиционера, и наконец он согласился, помог взвалить бамбук на плечи. Мы снова двинулись вперёд, а милиционер-нехудожник важно шагал сбоку. Его присутствие сде-

лало наше плавание более торжественным и величавым. Мне было приятно, что в первом плавании самой лёгкой лодки в мире участвуют сопровождающие корабли.

— Вы знаете, — сказал я милиционеру, — вы участвуете в первом плавании самой лёгкой лодки в мире.

— Как это так?

— Из этого бамбука мы построим самую лёгкую лодку планеты.

— На лёгкой-то далеко ли уплывёшь? Да и зачем она вам? Рекорды, что ль, бить?

— Да надо бы их побить, — веселился я. — Чего глядеть-то на них?

— Делайте плоскодонку. У нас в Мещёре все на плоскодонках плавают. Из осины долбят.

Пока мы шли к мастерской, милиционер-нехудожник вспоминал, как делают лодки у них в Мещёре, как выбирают осину, как долбят, как парят, как разводят её.

Когда мы пришли в мастерскую, заварили чай и уселись за стол, милиционер сказал:

— Накладные — бог с ними. Но где же всё-таки хоть какие-то документы?

Никаких документов Орлов найти не сумел. Нашёл квитанцию за уплату электроэнергии, показал милиционеру, фамилия которого оказалась Оськин.

— Хорошо, что вы платите за энергию, — говорил Оськин. — И чай хорош, и вправду коричневый, как медведь. Но всё-таки другой раз ночью бамбук не таскайте. Увижу — заберу.

Оськин-милиционер немного отогрелся, снял форменную шапку, расстегнул шинель.

— Я бы вас сразу в отделение повёл, — признавался он. — Да там места мало — бамбук некуда девать. Поэтому я с вами и пошёл, но, если б вы, ребята, вздумали бежать, пришлось бы мне кое-что применить.

Раз пять заваривали мы чай-крепач. За окнами выла метель, а мы сидели красные, распаренные, ели столовыми ложками варенье из банки.

— Хорошо, что вы не побежали, — продолжал Оськин. — Это молодцы. Тут один недавно вздумал убежать...

Мы сидели на кухне под абажуром, сделанным из разноцветных стеклянных палочек. Напротив Оськина на стене висели пять старых медных чайников, связанных вместе. Здесь же стояла скульптурная группа «Люди в шляпах», над которой Орлов работал последние четыре года.

— Что это они все в шляпах? — спросил Оськин. — Сделал бы хоть одного в кепке.

— Такие люди кепок не носят, — возражал Орлов. — Это люди серьёзные. Вот вы, например, какой носите головной убор, когда снимаете форму?

Оськин хмыкнул, зацепил из банки варенье.

— Тубетейку, — сказал он.

Шесть бамбуковых брёвен лежали на полу. В кухне они не уместились, и концы их вылезали в коридор. Снег, облепивший брёвна, растаял — на золотистых боках сверкали янтарные капли.

— Одного не пойму, — говорил Оськин. — Как бамбук попал в подвал?

— Чай и бамбук — одного поля ягоды, — отвечал Орлов, помахивая вывеской «Высоцкий и К^о». — Поверьте мне: где чай, там и бамбук.

— Видимо, в этом подвале были чайные склады купца Высоцкого, — рассуждал я. — Вместе с чаем он привёз и бамбук. Хотел, наверно, построить бамбуковый домик, чтоб чай в нём пить.

— Бамбук применялся для упаковки, — спорил со мной Орлов. — Этими брёвнами обшивали тюки с чаем. Они работали как спасательный пояс, чтоб чай не утонул, если корабль перевернётся.

Так болтали мы о чае и бамбуке, и чай заваривался в чайнике, бамбук лежал на полу, и мне ясно было, что он занимает в мастерской слишком много места.

Глава V

ИДЕЯ ЗАРАСТАЕТ МОХОМ

Мне хотелось начать строительство лодки немедленно.

Несколько дней бродил я вокруг бамбука, чистил брёвна, гладил их, измерял.

В тельняшке, с топором и ножовкой в руках парил я над бамбуком, примеривался, прицеливался, мечтал. Но никогда в жизни я не строил никаких лодок и так просто тюкнуть топором по бамбуку не решался.

Надо сказать, что тельняшка теперь у меня была цельная, далеко позади остался треугольный кусочек, я донашивал вторую свою тельняшку. А хорошая тельняшка, как известно, служит хозяину примерно десять лет.

Шли недели. Без движения лежал бамбук у Орлова в мастерской. Посетители спотыкались о него, восхищались таким толстым невиданным бамбуком. Орлов гордился, расхваливал бамбук и мою идею.

Прошёл месяц, и настроение Орлова переменялось.

— Здесь не чайный склад купца Высоцкого, — шутил он. — Пора превратить бамбук в лодку.

За месяц Орлов совершенно излечился от «бамбуковой болезни». Он подхватил где-то «керосиновую болезнь» — стал собирать керосиновые лампы и в короткий срок набрал столько ламп, что их некуда было ставить. Бамбук же занимал много места и мешал лампам спокойно размножаться.

А я не знал, с чего начать, и, главное, не представлял себе, какой должна быть самая лёгкая лодка в ми-

ре. Я рисовал бамбуковые проекты, а ночами снились мне бамбуковые корабли.

— Тебе, наверно, мешает бамбук? — заискивая, спрашивал я Орлова.

Орлов молчал, только усы его недовольно помахивали крыльями.

— Ну хочешь, я увезу бамбук домой?

Помалкивал Орлов, помалкивал.

— А что? Возьмём за пятёрку самосвал и отвезём на квартиру.

— Для этого надо иметь квартиру, — отвечал наконец Орлов.

Квартиры у меня не было. Была комната, которую я снимал у опасного человека по имени Петрович. Этот Петрович запросто мог в сердцах растоптать бамбук, а то и продать соседу, возводящему голубятню.

Да, так получалось, что, прежде чем иметь лодку, я должен был занять квартиру, в которой мог бы хранить строительный материал. Меня всегда поражало, как в жизни всё связано между собой:

лодка —

бамбук —

милиционер-художник —

керосиновые лампы —

Петрович —

квартира.

Казалось бы, нет в этом никакой связи, а в голове моей всё переплелось, запуталось морским узлом.

— Это узел судьбы, — пояснял Орлов. — Брось ты самую лёгкую лодку в мире. Давай распилим брёвна и понаделаем из них кувшинов. В таких кувшинах можно держать керосин, олифу, а если надо, сыпучие тела.

Замыслы Орлова пугали меня. Особенно раздражали сыпучие тела. В жидкостях всё-таки оставалось что-то от идеи мореплавания.

Я занялся поисками квартиры, покидая бамбук на несколько дней, а то и на неделю. Постепенно новая будущая квартира вытеснила из головы самую лёгкую лодку в мире.

Случайно наткнулся я на фотографию в журнале «Рыбоводство». На ней изображена была лодка, очень лёгкая на вид. В лодке сидел человек с подлещиком в руке. Под фотографией была подпись:

«Известный писатель-путешественник любит порыбачить и поразводить рыбу в свободное от литературы время. Хорошо отдыхать на водоёмах Подмосковья».

В справочном бюро узнал я телефон, позвонил и, путаясь, извиняясь, объяснил, в чём дело.

— Ладно, — сказал писатель-путешественник, — заходи завтра ко мне. Покажу лодку.

Глава VI ПИСАТЕЛЬ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Я шёл по улице, с некоторой гордостью поглядывая на прохожих. Они-то спешили кто в булочную, кто в химчистку, а я — к писателю поговорить о лодках. Да, самая лёгкая лодка в мире, ещё даже и не построенная, уже приводила меня в удивительные бухты и заливы.

В подъезде дома, где жил писатель-путешественник, меня остановила женщина, которую хотелось назвать тёткой. Она сидела у лифта в полуразвалившемся кресле, из которого торчали хвосты мочалок, и читала роман Толстого «Война и мир».

- Куда? — спросила она.
- К писателю.
- Здесь все писатели.

— Как это?

— А так — полон дом. Ты к кому?

Я ответил и, поражённый, не решился ехать на лифте. Целый дом писателей я встретить никак не ожидал и даже представить себе не мог, что такие дома на свете существуют. Поднимаясь с этажа на этаж, разглядывал я двери, обтянутые кожей, по которым созвездиями разбросаны были золотые кнопки. Из-за дверей раздавался собачий лай, звуки пианино, а иногда и стук пишущей машинки. Где-то посреди пути охватил меня вкуснейший дух баранины с чесноком, в котором и вправду чувствовалось что-то мощное, крепкое, писательское.

Добравшись до квартиры писателя-путешественника, я хотел было позвонить, как вдруг увидел табличку:

*Звонить воспрещается!
За нарушение — смертная казнь!*

Я потоптался у двери, не зная, что делать. На всякий случай звонить не стал, а легонько поскрёбся в дверь. За дверью, в общем-то, было тихо, только кто-то поскрёб её с той стороны. Я постоял и снова слегка поскрёбся. С той стороны поскреблись в ответ.

Вдруг дверь распахнулась, и я оказался лицом к лицу с огромной собакой без хвоста. Она глядела на меня тяжёлым изучающим взглядом.

— Чанг, кто там? — послышался голос. — Если Гусаков, загрызи его, а если тот тип, что звонил насчёт лодки, пускай войдёт.

Чанг посмотрел мне в глаза, сообразил, что я не Гусаков, и вильнул обрубком хвоста в сторону комнаты.

Я вошёл и увидел писателя-путешественника. Он сидел на полу, на медвежьей шкуре, и курил кривую

трубку. По левую руку от него, на шкуре россомахи, стоял радиоприёмник «Телефункен». По правую, на шкуре волка, — красный телефон.

Прямо под потолком висела настоящая длинная лодка, по виду напоминающая эскимосский каяк. Я видел её боевое дно, исцарапанное, покрытое шрамами и облепленное старой, засохшей рыбьей чешуёй.

Я поздоровался и спросил:

— А как Чанг отличил меня от Гусакова?

— По запаху, — серьёзно ответил писатель и громко приказал: — Чанг, принеси гостю чего-нибудь помягче.

Громко топая, бесхвостый Чанг сходил на кухню и принёс шкуру рыси. Я расстелил её и уселся.

— У меня есть ещё шкура австралийского ежа. Я стелю её, когда приходит Гусаков.

— Как же Чанг его до сих пор не загрыз?

— Это не так просто. Чанг грызёт его второй год, а тот — как новенький.

Чанг виновато опустил голову — дескать, что ж тут поделаешь, бывают такие нестрываемые гости.

— Ваша лодка похожа на каяк, — сказал я, чувствуя, что тему Гусакова лучше не развивать.

— Это смесь байдарки с каяком. Я прошёл на ней восемнадцать рек Западной Сибири... А ты, случайно, не знаком с Гусаковым?

— И в глаза его не видел.

— А может, всё-таки знаком? Только не хочешь сказать, а? Ты не подосланный?

— Не знаком и не хочу знакомиться, — твёрдо ответил я. — Я на лодку пришёл поглядеть. Интересно, сколько она весит?

— Двадцать пять.

— Тяжеловата. Мне нужно на двадцать килограммов легче.

— Купи детское корыто.

— Погодите, — принялся объяснять я. — У меня есть бамбук. Из него можно сделать лодочку полегче.

— А зачем тебе лёгкая? Лодка должна быть основательной. Как дом. Но можно, конечно, сделать лёгкую, заманить в неё Гусакова — и пускай переворачивается, а?

— Для Гусакова можно купить резиновую и дырку проделать.

— В резиновую Гусаков не полезет. Вот в бамбуковую, да ещё самую лёгкую в мире, его легко заманить. Он потом на всю Москву будет кричать: я самый великий человек в мире, плавал на самой лёгкой лодке в мире! Я уж знаю Гусакова.

— А кто вашу лодку построил? — спросил я. — Может, вы дадите мне адрес Мастера?

— Адреса не дам, — сказал писатель-путешественник. — Но в следующее воскресенье я сам поеду к Мастеру в Каширу. Бери бамбук — поедем вместе. Чанг, ты поставил чайник?

Глава VII

ОТРЕЗАННАЯ ГОЛОВА ОРЛОВА

В следующее воскресенье мы с Орловым взвалили на плечи бамбук и притащили его на вокзал.

Писатель-путешественник ожидал нас у пригородных касс. Размеры бамбука удивили путешественника, но ещё больше удивил его Орлов. Как видно, писатель ожидал только меня с бамбуком, и Орлов не входил в его расчёты.

Кое-как мы занесли бамбук в электричку, уложили в проходе между сиденьями. Пассажиры спотыкались и ругались на нас так, будто мы везли еловые дрова.

— Вы очень похожи на одного моего знакомого, — сказал писатель Орлову, когда поезд тронулся.

— Не может быть, — ответил Орлов, который всегда был уверен, что не похож ни на кого на свете.

— Если сбрить вам бороду, будет вылитый товарищ Гусаков.

— Зачем же мне бороду сбривать?

— Это мы сбриваем мысленно, чтоб на Гусакова быть похожим.

— Да не хочу я быть похожим!

— Вот это правильно. И я бы не советовал походить на Гусакова, потому что он неприятный человек. А всё-таки вы похожи. Вы не родственники?

Орлов объяснил, что они не родственники, и отключился от вагонной жизни, уставившись в окно. Он явно обиделся на сходство с Гусаковым. Писатель-путешественник тоже замолчал, потому что сходство было очевидным.

Я чувствовал себя виноватым и перед тем, и перед другим, пытался поддержать разговор, но ничего не выходило. Я был зажат в молчание тиски. С одной стороны давила на меня старая дружба, с другой — новое знакомство.

«Ладно, — думал я, — главное — довести бамбук до Каширы и лодку построить».

Неожиданно беседу оживил человек в золотых очках, который сидел напротив и всё это время шуршал газетой.

— И зачем молодые люди носят бороду! — сказал он. — Ну зачем? Не пойму.

Это был камешек в огород Орлова.

Орлов не обратил на камешек внимания и упорно глядел в окно на дачные участки, сады и огороды.

— Ну, в старое время люди мало читали — вот они и носили бороду. А сейчас-то зачем борода? Я бы всех

бородатых взял бы и насильно им бороду сбрил, чтоб на людей были похожи.

Я никак не мог понять, отчего эти золотые очки так уж привязались к Орлову. Борода не была самым главным в его облике, и хоть напоминала порой обрзанную снизу горную вершину, орёл усов выглядел поважнее. Орлова я бы и не назвал бородатым. Скорей уж — бородато-усатым. А ещё точнее — брадоусым.

— Сбрить бороду — это мало, — ответил наконец Орлов. — Я бы всем, кто носит бороду, голову отрезал.

— Это уж потом, если бороду не сбреют.

Орлов пошарил в кармане, достал оттуда кривой садовый нож и протянул человеку в золотых очках.

— Режьте, — сказал он.

— Что такое?

— Голову мне режьте.

На соседних лавках люди забеспокоились, стали прислушиваться к разговору. Кто тянул по-гусиному шею, кто протискивался через проход к нам поближе, а кто, наоборот, подальше.

— Вы хотели насильно сбрить мне бороду, — напирал Орлов, — а потом отрезать голову — режьте!

— Режьте, режьте, — поддержал писатель-путешественник. — Хотели резать — режьте. Чего тянуть?

— Ничего я не хотел. Я хотел только бороду сбрить.

— Ничего подобного, — сказал и я, обращаясь к пассажирам. — Он хотел отрезать голову моему другу. Это все слышали!

— Не хотел я резать! — отбивался человек в золотых очках, привставая и отталкивая нож.

— Граждане! — громко сказал вдруг писатель-путешественник. — Среди нас опасный пассажир. Он хотел отрезать голову, а потом сбрить с неё бороду!

— Вот вам моя голова! — наседал Орлов. — Что ж вы не режете?

Да кто же это сказал, что Орлов не похож на орла?! Вон как блистают гордые бледные глаза, летают усы, а под ними нож кривой горит в когтистых руках. Да орёл же! Настоящий орёл!

И писатель-путешественник смотрит на Орлова с уважением. Какой тут товарищ Гусаков? Орёл!

Всё больше народу собиралось вокруг нас. Человек в золотых очках не выдержал, стал сдёргивать с крючка свою сумку.

— Только брить хотел, только брить! — объяснял он, пробираясь к выходу из вагона.

Глава VIII ВРЕМЯ КОМПОТА

Мастер жил на окраине Каширы, и вокруг его дома росли старые яблони. С веток их свешивались сверкающие сосульки, меж которыми летали синицы и воробьи.

Я думал, что увижу человека преклонных лет, но Мастер был вполне молод, с добрым и внимательным, но очень белым, даже белоснежным, каким-то зимним лицом.

Он встретил нас на крыльце, расцеловался с писателем и спросил его:

— Как звать ваших великих друзей?

Писатель познакомил нас и объяснил коротко бамбуковую затею.

— О делах потом, — сказал Мастер. — Прошу вас и ваших великих друзей в дом, к столу. Прошу, прошу, прошу.

Несколько смущённые, мы с Орловым уложили бамбук под яблоню, смели веником снег с ботинок и вошли в дом.

За столом собралась уже вся семья Мастера — дедушки и тётушки, сёстры с мужьями, племянники. Мастер представил нас как «великих друзей писателя-путешественника».

Мы краснели, кланялись, не зная, как подтвердить своё величие.

— Да, да! Это мои великие друзья! — поддакивал писатель-путешественник. — Один из них, правда, немного похож на Гусакова, но это сходство чисто внешнее. На самом деле он великий человек. Ему в поезде чуть голову не отрезали!

— Не может быть! — восклицали родственники.

А стол, за который усадили нас, был завален угощением: горы салата, застывшие озёра холодца. Бело-снежное лицо Мастера порхало над столом, мелькали добрые руки тётушек, которые подкладывали писателю-путешественнику и его великим друзьям свеколки с чесноком, селёдки в шубе, картошечки в мундире.

Мастер произнёс речь в честь своего великого друга писателя. Писатель-путешественник произнёс речь в честь своего великого друга Мастера. Дядюшка Карп Поликарпыч произнёс речь в честь великих друзей великого друга Мастера.

— Кстати, — пояснял писатель-путешественник. — Мои друзья задумали великое дело. Они решили построить самую лёгкую лодку в мире. И тут не обойтись без Мастера, который велик, как гора. Скажем — Казбек.

Тут все принялись обсуждать, какая гора больше, Казбек или Эльбрус, с гор спустились к морю, а на море и оказалась самая лёгкая лодка в мире. Тут родственники призадумались, какой должна быть самая лёгкая лодка, кинулись к окнам глядеть на бамбук.

— Бамбук-то лёгкий! — вскрикивал кое-кто из них. — А можжевельник полегче будет.

— А орех?

— Пойдите, пойдите, — успокаивал Мастер. — Сейчас не время бамбука и других материалов — время борща.

И он принялся разливать борщ таким половником, на котором впору было отправиться в плавание.

— Лодка не получится, — говорил Мастер чуть позже, — если мы не отведаем гуся.

Мы принялись за гуся, у которого оказалось столько ног, сколько людей сидело за столом, — двенадцать.

— А всё-таки бамбук не такой уж и лёгкий, — сказал вдруг дядюшка Карп Поликарпыч.

— Я раньше никогда не работал бамбук, — заметил Мастер, недовольно двинув бровями. — И ты бы, Карп Поликарпыч, лучше бы думал о гусе.

— А я думаю не только о гусе, но и о бамбуке, — ответил Карп Поликарпыч.

Подняв брови повыше, Мастер внимательно оглядел Карп Поликарпыча. В глазах его выразилось сильное сомнение в том, что в голове у дядюшки могут уместиться две такие важные мысли.

Дядюшка глаз своих не отвёл, а гусиную ногу стал грызть более напряжённо, как бы намекая: вот видишь — ем гуся, а думаю о бамбуке.

Отложив недоеденную гусиную ногу, Мастер встал и вышел из-за стола в кабинет.

В комнате создалась неловкость. Многие родственники глядели на Карп Поликарпыча с большим осуждением. Кто-то из тётушек сильно толкнул его в бок. Карп Поликарпыч, не теряя достоинства, упорно ел ногу, делая глазами вид, что по-прежнему думает о бамбуке.

Меж тем Мастер вернулся из кабинета, держа в руках скальпель, пинцет и увеличительное стекло. Не садясь вновь за стол, он прошёл к выходу, и кто-то из племянников накинул ему на плечи полушубок.

В окно мы видели, как Мастер трогает пинцетом бамбук, скоблит его скальпелем и разглядывает в увеличительное стекло.

Вернувшись в дом, он молча уселся за стол и принялся доедать гусиное блюдо. Все напряжённо молчали, ожидая, что скажет Мастер.

Откашлявшись, Мастер сказал:

— Время компота!

И только когда прикатили бочку компота, когда всякому были выданы и груша сморщенная, и черносливина, и яблочко, и виноградье, и мирабель, Мастер ободряюще поглядел на меня:

— Приезжайте через месяц. Не знаю, будет ли это самая лёгкая лодка в мире, но самую лёгкую в Кашире я сделаю.

Глава IX

САМАЯ ЛЁГКАЯ ЛОДКА В КАШИРЕ

Ровно через месяц я снова поехал в Каширу. Теперь я ехал один. Самую лёгкую лодку я должен был легко — одной левой — принести домой.

Уже был март. Сосульки на яблонях в саду у Мастера доросли до земли, белоснежное доброе лицо его к весне поголубело.

— О делах потом, потом, — встретил меня Мастер. — Вначале — к столу. Все уже в сборе. Ну, как поживают наши великие друзья?

Родственники, собравшиеся за столом, встретили меня как родного, а с дядюшкой Карп Поликарпычем мы даже расцеловались.

— Ну как лодка? — нетерпеливо расспрашивал я. — Где она?

Оказалось, лодку никто не видал. Мастер до поры до времени скрывал её где-то, возможно в сарае.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Етоев. В КОНЕЧНОМ СЧЁТЕ – ЛЮБОВЬ</i>	5
<i>САМАЯ ЛЁГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ. Повесть</i>	13
<i>ОТ КРАСНЫХ ВОРОТ. Повесть</i>	219
<i>ЧИСТЫЙ ДОР. Цикл рассказов</i>	
По лесной дороге	259
Чистый Дор	260
Стожок	263
Весенний вечер	265
Фиолетовая птица	266
Под соснами	268
Около войны	270
Берёзовый пирожок	274
Лесовик	276
Железяка	279
Вишня	282
Колобок	283
Картофельный смысл	285
Кепка с карасями	287
Нюрка	293
Бунькины рога	296
Выстрел	298
Вода с закрытыми глазами	303

Клеёнка	307
По-чёрному	314
Подснежники	316
Последний лист	319

РАССКАЗЫ

Чайник	323
Сиротская зима	326
Четвёртый венец. <i>Рассказ из дневника</i>	346
Ножевик	356
«Когда-то я скотину пас...»	361
Красная сосна	369

Коваль Ю.

К 56 Самая лёгкая лодка в мире : повести, рассказы / Юрий Коваль. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-06075-3

Повести и рассказы, вошедшие в эту книгу, — золото нашей литературы, её золотой запас. Радость и лёгкость, весёлость и открытость прозы Юрия Коваля, её доходчивость до сердца читателя делают эту прозу не просто прозой, а незаменимым лекарством от самых страшных болезней, что как тень преследуют человека, — уныния, чёрствости, глухоты сердечной, душевной скудости. Читать Коваля весело. А там, где весело, обитает радость.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ЮРИЙ КОВАЛЬ

САМАЯ ЛЁГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Кирилла Иванова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ирина Киселёва
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 26.04.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-VAK-14047-04-R